

ЧИСЛОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ НОМИНАЛИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Людия Колесникова

к. филол. н., доцент

Измаильский государственный гуманитарный университет

Анализируя номинализации в когнитивно-дискурсивной парадигме современного русского языка, мы установили, что они рассматриваются либо как отглагольные существительные, называющие абстрактное действие, мотивированное глаголом, либо как субстантивные формы глагола, наряду с атрибутивными (причастиями и деепричастиями), либо как трансформы предложения.

По нашему мнению, номинализации, являющиеся результатом взаимодействия глагола с другими частями речи в коммуникативном процессе (тексте, дискурсе), следует отнести к формам-репрезентантам, так как они отражают принципиально иную плоскость концептуализации действительности по сравнению с другими морфологическими формами глагола. В данном случае речь идет о морфолого-синтаксических формах. Их особенность состоит в том, что они имеют специфичную грамматическую оформленность в виде имен существительных и в этом плане ассоциируются с самостоятельными словами, хотя на самом деле таковыми не являются. Их отличие от исходных слов, с которыми они связаны формальной производностью, не лексическое, а грамматическое, обусловленное коммуникативно-дискурсивными целями. Следовательно, понятие формы слова (в широком смысле) позволяет определить данные глагольные предикативные трансформы в особую грамматическую категорию – категорию репрезентации.

В словообразовательном аспекте, являясь результатом синтаксической транспозиции глаголов, номинализации обнаруживают многочисленные изменения в лексическом значении по сравнению с абстрактными отглагольными именами, а

также в грамматическом плане, вступая в числовые корреляции.

Номинализации в качестве производных слов рассматриваются в когнитивистике как единицы получения, систематизации, хранения и извлечения знаний. При образовании отглагольных имен сигнализируется, с одной стороны, когнитивная операция реификации глаголов, в результате которой референт концептуализируется не как событие, а как некий объект. В случае опредмечивания глаголов описываемое действие предстает как ограниченное во времени или даже однократное, представленное в виде вещи, то есть подчеркивает ситуацию, соответствующую имени существительному.

С другой стороны, являясь признаковым словом, номинализация характеризуется релятивностью, так как отражает способность человека членить одну и ту же ситуацию по-разному. Номинализации оказываются в этом смысле такой единицей номинации, которая сочетает и даже кумулирует в себе как свойства существительного, так и свойства исходного для него глагола-предиката.

Основные грамматические категории имени существительного – это род, падеж и число. Первые две категории обслуживают лексему целиком, хотя и по-разному: по падежам слово изменяется, по родам не изменяется. Категория падежа и рода безразличны к значениям слова. Если слово стоит в том или ином падеже, это значит, что все его значения могут быть оформлены этим же падежом. Если мы говорим *Купить новую акварель*, то винительным падежом может быть оформлено как значение *краска*, так и значение *полотно, картина*.

Грамматическое значение рода также безразлично к значениям слова. В каком бы значении мы не взяли слово, род его остается неизменным. Так, у слова *акварель* и в значении *краска*, и в значении *картина* род остается женским, а у слова *стол* и в значении *предмет мебели*, и в значении *еда, питание* род остается мужским.

Иная картина открывается, когда мы рассматриваем число. По числам, как и по падежам, существительные изменяются, но неодинаково для всех значений. Одни значения имеют соотносительные формы числа, другие не имеют и выступают только либо в единственном, либо только во множественном числе.

Грамматическая категория числа русских имен существительных при всей своей прозрачности (единственное число призвано обозначать что-либо в количестве одного, множественное – в количестве более одного) весьма сильно лексикализована (т.е. зависит от лексического значения имени), так как едва ли не большая часть имен не укладывается в коррелятивную систему форм: одни существительные не имеют формы множественного числа, другие – формы единственного числа, а третьи обнаруживают нестандартные значения числовых форм.

Как специфическую из всех именных категорий у номинализаций называют грамматическое число, которое, принято считать, устроено принципиально иначе, чем у предметных имен. Однако, по нашим наблюдениям, многие номинализации изоморфны по числовому поведению основным классам предметных имен.

Вместе с тем следует отметить различие в основаниях их числовой коррелятивности. Если у предметных имен в качестве когнитивного основания категории числа лежит исчисляемость, то есть дискретность референтов, то у номинализаций – признак дискретности событий и процессов, то есть ситуаций. Следовательно, числовая классификация

предикатных имен (номинализаций) имеет параллель в аспектуальной классификации русских глаголов, основанной на признаке дискретности ситуации: 1) исчисляемые события (*беседа, заседание, прыжок, ушиб*), называющие дискретные ситуации; 2) неисчисляемые состояния (*скука, забвение*), процессы и деятельности (*обдумывание, рисование, ремонт*), называющие недискретные ситуации.

В нашей работе сделана попытка проанализировать семантику номинализаций с точки зрения их числового поведения, т.е. особенностей употребления либо в системе коррелятивных форм (имеют соотносительные формы единственного и множественного числа, различающиеся только грамматически), либо в дефектной части числовой парадигмы (застывания в форме *sing.* или *plur. tant.*), либо в обеих формах, но с изменением лексического значения в одной из них.

Число не случайно называют самой семантической категорией, которая отражает познannую человеком действительность и напрямую отсылает к реалиям внешнего мира. Благодаря кажущейся простоте число долгое время рассматривалось с позиций структуралистской грамматики, главным принципом которой был провозглашенный Ф. де Соссюром принцип разграниченности. В частности были проведены границы между лексическим и грамматическим, между словоизменением и словообразованием, между семантикой и синтаксисом, между основными и вторичными значениями форм, и даже для инварианта значения числа было предложено два признака: конкретность – абстрактность, общность – необщность, множественность – немножественность, неопределенность – определенность.

Однако в ходе исследований было обнаружено, что грамматическая категория числа игнорирует эти границы. Выяснилось, что:

IV Дунайські наукові читання: гуманітарна освіта в теорії та практиці

- у большого числа словоформ лексическое и грамматическое значения образуют идиоматические сочетания;

- грамматическая категория числа в части словоформ трактуется как словоизменяемая (ср. *книга – книги*), а в другой части – как словообразовательная (ср. *бег – бега, стон – стоны*);

- грамматическая категория числа в основном выполняет семантическую функцию (обозначает количество предметов реального мира), но может выполнять и функцию маркера синтаксического согласования и подчинения (*города – герои, два друга* и др.);

- классы вторичных значений объединяют в себе идею лексического и грамматического;

- кроме того, вторичные значения связаны с основным разными способами и могут содержать в своем толковании компонент «несколько».

В исследованиях последних лет эти вопросы перестали быть дискуссионными, так как сменилась точка зрения на природу грамматического значения. С одной стороны, произошел сознательный отказ от жестких границ в выделении и классификации языковых явлений (из общетеоретических работ этот принцип наиболее четко сформулирован в работах Л. Вайсгербера, Дресслера, Джекендоффа, Планка и др., в области работ по числу следует упомянуть исследования по числовой дефектности Аллана, Вежбицкой, Плунгяна, Перцова, Колесникова, Ляшевской и др.). С другой стороны, в теории грамматики был провозглашен принцип эксплаторности (объяснительности), а в рамках когнитивной парадигмы языкознания была поставлена задача определить, какие когнитивные параметры окружающего мира грамматикализуются в естественном языке (Тэлми, Кубрякова и др.). Соответственно, в теории числа эти задачи нашли отражение в идее создания мотивированных (прежде всего, семантически) правил выбора числовых

форм и в идее когнитивного обоснования признака исчисляемости / неисчисляемости, обуславливающего выбор именем числовых форм (Вежбицкая, Ляшевская и др.).

И.А. Мельчук [1, с. 83] отметил, что исчисляемое существительное должно иметь дискретный референт. В.А. Плунгян дает определение дискретной ситуации как конкретной ситуации («акту»), имеющей начало и конец [2]. Признак временных границ помогает вычленить вневременные свойства и состояния (обозначаемые неисчисляемыми именами), но его может быть не достаточно для того, чтобы ситуация имела дискретную референцию. Так, например, существительное ремонт обозначает конкретную ситуацию, локализованную во времени, ср. *начать / закончить ремонт*. Несмотря на это, несколько таких ситуаций также обозначаются формой только единственного числа, ср. *ремонт сапог / *ремонт сапог* и др., то есть, имя *ремонт* подпадает под определение Есперсена «любая часть X называется X-ом» и является неисчисляемым. Таким же свойством обладают и другие имена обработки и создания, ср. *покраска подъездов, обивка мебели, постройка парусных моделей, строительство жилых домов* и др. Следовательно, можно предположить существование каких-то других референциальных характеристик, влияющих на исчисляемость.

Мы определили зависимость числовых форм номинализаций от таксономических групп мотивирующих глаголов, в которых обнаруживаем референциальный признак дискретной ситуации. Представление о дискретности ситуаций возникло из аналогии между исчисляемостью предметных существительных и аспектуальностью глаголов. Так, Рей Джекендофф отмечает, что признаки, определяющие дискретность предметных референтов, применимы и к области событий и процессов. Признак дискретности ситуации является определяющим для вендлеровской и

поствендлеровских аспектуальных классификаций русских глаголов, поэтому общую таксономическую классификацию предикатных имен естественно строить на тех же основаниях [1; 2; 3]: 1. Исчисляемые события (*беседа, заседание, ушиб*); 2. Неисчисляемые состояния (*скука, забвение*), процессы и деятельности (*обдумывание, рисование, ремонт*).

Приведем примеры таксономических классов номинализаций, образуемых от разных типов предикатов.

Номинализации, обозначающие физиологические ощущения, всегда неисчисляемы, ср. *голод, тошнота, зуд* и т.п., – они относятся к классу состояний. Причем имена обозначают либо регулярно повторяющиеся последовательности физиологических действий, либо кванты таких последовательностей, ср., *дыхание, глотание, жевание, чихание и вдох, выдох*. *Дыхание* – неисчисляемое существительное и относится к многоактному подклассу процессов и деятельностей, *вдох и выдох* – исчисляемые существительные и относятся к классу сингулятивов, которые являются частным случаем событий.

Имена болезней, травм также соотносятся с несколькими таксономическими классами глаголов. Имена травм – это, естественно, события и имеют две формы числа: перелом – переломы, растяжение – *растяжения, ушиб* – *ушибы, ожог* – *ожоги* и др. Имена болезней делятся в зависимости от исчисляемости / неисчисляемости на следующие группы: 1) обозначения легких и недлительных заболеваний (*простуда* – *простуды*); 2) обозначения мгновенных происшествий (*удар* – *удары, отек мозга* – *отеки, выкидыш* – *выкидыши*); 3) обозначение квантов и фаз длительных заболеваний (*приступ* – *приступы, обострение* – *обострения, припадок* – *припадки*); 4) обозначения временных болезненных состояний (*недомогание, головокружение, отравление*); 5) обозначение хронических болезненных состояний (*сумасшествие*).

Номинализации с семантикой звука в первом приближении делятся на две основные части. Однородный или многократно повторяемый звук представляется в языке как недискретный и обозначается именами sing. tant.: *плеск, шелест, щебет, лепет, рокот, шепот, хруст, рев, свист, скрип, грохот, топот, треск, стук, хохот* и под. Таким именам противостоят исчисляемые имена существительные с полной числовой парадигмой: *гудок* – *гудки, звонок* – *звонки, смешок* – *смешки, хлопок* – *хлопки, щелчок* – *щелчки, всхлип* – *всхлипы, всплеск* – *всплески* и т.п. К ним примыкает еще одно исчисляемое существительное, исчисление которого осуществляется на совершенно другом основании, чем кванты – по количеству источников-каузаторов звука (людей) – это *голос* – *голоса*. Данное имя противопоставляется неисчисляемым обозначениям совокупностей голосов, таким как *говор, разноголосье*.

Как видим, существует зависимость числовых форм номинализаций от таксономических групп мотивирующих глаголов. Проанализировав числовое поведение групп номинализаций, образованных от предикатов, обозначающих физиологические состояния, названия болезней, имена звуков, движение и его способы, кванты, траектории, ориентации, нами выявлено два основных типа значения – словоизменительное и словообразовательное. Среди числовых форм со словоизменительным статусом выделяются такие употребления, как арифметическое единственное и множественное число, родовое единственное и множественное, гиперболическое множественное обобщенно-собирающее число и др. В словообразовательных значениях числа определены различные словообразовательные модели, которые могут менять или не менять дискретно-континуальный статус отглагольного существительного.

IV Дунайські наукові читання: гуманітарна освіта в теорії та практиці

1. Мельчук И. А. Словоизменительные категории, выражающие количество / И. А. Мельчук // Курс общей морфологии. – Т. II. – Ч. 2, гл. II-III. – М.: Вена, 1998. – 416 с.
2. Плуноян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику / В. А. Плуноян. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 384 с.
3. Падучева Е. В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке / Е. В. Падучева // Русский язык в научном освещении. – 2001. – №1. – С. 52-79.

STYLISTIC PECULIARITIES OF MEANS OF INTER-PARAGRAPH COHESION IN PERSONAGES' WRITTEN SPEECH

Ольга Крюкова
викладач

Ізмаїльський державний гуманітарний університет

In the context of new studies of semantic, structural, pragmatic peculiarities and means of text-formation of various types of speech communication, one of the least studied is the written speech of personages. In a work of art, communication between personages may be represented both in the form of a dialogue and in the form of a letter exchange.

The written speech of personages has its own specific features and functions in the structure of the artistic text: on the one hand, the written communication of personages imitates its real prototype; on the other hand, the written speech of personages submits to the artistic tasks of the author's work.

The originality of the linguistic approach to the study of the structural organization of the artistic text is revealed at the conceptual and categorical level: the subject of consideration is the category of integrity or connectivity. The connection of the text is achieved by the organization of language means for the transmission of a particular message.

In this paper, an attempt is made to consider some features of the implementation of the integrity category in the written messages of personages. In particular, the analysis of intra-textual means of cohesion has been carried out at the level of such a text unit as a paragraph, that is, the formal and semantic relations between the paragraphs have been considered.

By the formal connection they traditionally understand purely grammatical

means of cohesion (deictic means), which are the signals of cohesion of the fragments of the text. A. I. Morokhovsky highlights the following:

- 1) personal and demonstrative pronouns;
- 2) conjunctions, particles and connective words;
- 3) adverbs indicating the sequence of narration, or the sequence of the events described, and adverbs indicating the conclusion;
- 4) indicators of the grammatical dependence of subsequent sentences from the previous ones (sequence of tenses, the use of the definite article, etc.);
- 5) phrases and sentences of a general character;
- 6) the related elements of the cliché type: on the one hand ..., on the other hand; firstly, ... secondly;
- 7) nouns that are characterized by a certain informative «deficiency» (in particular nouns with a value of directional action such as arrival, departure, result, effect, etc.) [1, p. 218].

Following I. V. Arnold, under semantic connection we mean connection, which is realized «without special lexical or grammatical means by simple adjoining on the basis of communication in meaning» [2, p. 204].

Examining the means of connection between paragraphs, we pursued the following goal: to trace the correlation of formal and semantic connection in the written speech of personages, and also to determine which of the